

Научная статья

УДК 37.015.3
EDN: IPGPYG

МАРКЕРЫ ДЕСТРУКТИВНОЙ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
МОНИТОРИНГ, АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Роман Викторович Голубин¹, Наталья Ивановна Дунаева², Александр Павлович Коротышев³, Павел Павлович Рыхтик⁴

¹⁻⁴ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

¹ golubin@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

² nataliadunaeva468@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>

³ aleks_korotyshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8824-0169>

⁴ rykhtikpavel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1667-7270>

Аннотация. В статье обосновывается проблема деструктивной агрессии, которая становится сегодня нормой в молодежных коллективах. Отмечено, что в своих крайних формах она проявляется в деструктивных идеологиях, представляющих серьезную общественную опасность, в частности – в идеологии «колумбайн». Поскольку подавляющее большинство российской молодежи в настоящее время вовлечено в процессы коммуникации посредством «новых медиа» и социальных сетей, обосновывается необходимость в разработке и апробации методики мониторинга склонности к деструктивной агрессии в виртуальной среде. Основной целью исследования является разработка методики онлайн-мониторинга склонности к деструктивной агрессии в социальных сетях. Научная новизна заключается в обосновании авторского подхода к проведению такого рода мониторинга, представлены принципы составления и обновления маркерных рядов фраз-индикаторов, дан анализ и интерпретации результатов. Изучены возможности ведения мониторинга склонности к деструктивной агрессии, с использованием технологического инструментария онлайн-сервисов анализа сетевой активности пользователей IQbuzz и Wordstat.

Ключевые слова: деструктивная агрессия, киберпсихология, «новые медиа», веб-аналитика, социология Интернета, массовая коммуникация, интернет-сообщество, психотипы субъектов виртуальной реальности, виртуальное пространство

Для цитирования: Голубин Р.В., Дунаева Н.И., Коротышев А.П., Рыхтик П.П. Маркеры деструктивной агрессии в социальных сетях: мониторинг, анализ, интерпретация // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27). С. 104–115. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/011.pdf>. EDN: IPGPYG.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

MARKERS OF DESTRUCTIVE AGGRESSION IN SOCIAL NETWORKS:
MONITORING, ANALYSIS, INTERPRETATION

Roman V. Golubin¹, Natalia I. Dunaeva², Aleksandr P. Korotyshev³, Pavel P. Rykhtik⁴

¹⁻⁴ University of Nizhny Novgorod (N.I. Lobachevsky University), Nizhny Novgorod, Russia

¹ golubin@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4565-1942>

² nataliadunaeva468@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4310-5115>

³ aleks_korotyshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8824-0169>

⁴ rykhtikpavel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1667-7270>

Abstract. The article substantiates the problem of destructive aggression, which is becoming the norm in youth collectives today. It is noted that in its extreme forms it manifests itself in destructive ideologies that pose a serious social danger, in particular – in the ideology of "columbine". Since the vast majority of Russian youth is currently involved in the processes of communication through "new

media" and social networks, the need to develop and test the methodology for monitoring the propensity to destructive aggression in the virtual environment is substantiated. The main purpose of the study is to develop a methodology for on-line monitoring of the propensity to destructive aggression in social networks. The scientific novelty consists in the substantiation of the author's approach to conducting this kind of monitoring, the principles of compiling and updating the marker series of phrase-indicators are presented, the results are analyzed and interpreted. The possibilities of monitoring the propensity to destructive aggression using technological tools of online services for analyzing the network activity of users IQbuzz and Wordstat have been studied.

Keywords: destructive aggression, cyber psychology, "new media", web analytics, Internet sociology, mass communication, Internet community, psychotypes of virtual reality subjects, virtual space

For citation: Golubin R.V., Dunaeva N.I., Korotyshev A.P., Rykhtik P.P. Markers of destructive aggression in social networks: monitoring, analysis, interpretation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;2(27): 104–115. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/06/011.pdf>. EDN: IGPYGY.

© Голубин Р.В., Дунаева Н.И., Коротышев А.П., Рыхтик П.П., 2024

Введение

Современные представления о деструктивной агрессии базируются на обширной теоретической основе, восходящей к классикам западной науки. Теоретико-методологические подходы к изучению деструктивной агрессии как социально-психологического феномена составляют: теория влечения (З. Фрейд) [12], эволюционно-генетическая теория, представленная работами К. Лоренца [5], В. П. Эфроимсона [14], А. А. Реана [9], теория агрессии на основе фрустрационного подхода, который развивали Н. Миллер [18], Дж. Доллард [17], Л. Берковиц [16], К. Хорни [13], представление об агрессии как об актах враждебности, разрушения по Х. Дельгадо [2], теория принуждающей силы М. Фишбаха [19]. В основе теории З. Фрейда и К. Лоренца лежит представление о генетической обусловленности агрессии, которая может по-разному проявляться в поведении человека. Так, у З. Фрейда важным механизмом для перерождения агрессивной энергии является сублимация, которая позволяет направить ее в другое русло, например, в творческую деятельность [12, С. 23]. К. Лоренц, опираясь на результаты, полученные при изучении поведения животных, связывает агрессивное поведение с адаптирующей функцией [5, С. 210]. Дж. Доллард и его коллеги видят истоки агрессии во фрустрации, наступающей вследствие нереализованных целей и жизненных планов [17, С. 281–292]. Все это вызывает беспокойство, растерянность у человека и может привести к агрессивному поведению. Г. Салливан считает, что агрессивность является не врожденным, а приобретенным качеством, возникает из-за нереализованных потребностей в нежности и потребности в избежании тревоги [10, С. 78]. К. Хорни рассматривает агрессивное поведение как защитную реакцию ребенка в случае применения по отношению к нему

психологического и эмоционального насилия [13, С. 134].

В комплексе с агрессией часто рассматривают состояние враждебности (А. Басс) [15]. Здесь следует отметить, что враждебность и агрессивность по отношению к другому могут проявляться совместно, что нередко усугубляет их отрицательные последствия. Впрочем, враждебность может и не вести к агрессивным действиям. Согласно Х. Дельгадо, агрессия неразрывно связана с разрушительной силой, с причинением вреда и ущерба личности или обществу. Он трактует ее как поведенческую реакцию с актами разрушения [4, С. 73]. Созвучны этой теории и определение агрессии как действия, нацеленного на причинение вреда или ущерба другим Р. Бэрона и Д. Ричардсон [3, С. 45]. Они выделили важную характеристику агрессивного поведения – «намеренность» и понимают под агрессией «любые действия, имеющие целью причинение ущерба или вреда (неважно – прямого или косвенного) другим, в независимости от характера преследуемой цели». С. Фишбах подчеркивал важность включения мотивационных факторов в определение агрессии [19]. Дж. Каган утверждал, что для суждения об агрессивности акта необходимо знать его мотивы и то, как он переживается [7].

Деструктивная агрессия – это не обособленное психоневрологическое явление, а общественный феномен, имеющий социальное, психологическое, информационное, коммуникационное измерение. Общественная опасность ее проявлений усугубляется тем, что данная тема зачастую табуируется как гражданами, так и официальными лицами. Тем не менее она находит свое отражение в массовой культуре, популярных художественных произведениях и на пространстве «новых медиа». Именно сетевая активность пользователей (включая

и активность в социальных сетях) служит первым признаком и объективным показателем проявления деструктивной агрессии как у отдельных индивидов, так и в обществе в целом [1, 2, 8, 11].

Основные положения

В исследовании проявлений деструктивной агрессии коллектив ученых Нижегородского государственного университета опирается на комплексный подход, объединяющий научный инструментарий современной психологии и социологии и программные возможности веб-аналитики. Он получил свое практическое воплощение в рамках технического задания «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе» федеральной программы «Приоритет-2030». Общая выборка исследования составила 45670 пользовательских сообщений, размещенных в период с 1 сентября по 30 ноября 2022 г., из которых 1586 содержали явные признаки деструктивной агрессии. Методом исследования явился контент-анализ пользовательских сообщений в социальных сетях. Целью исследования явилось формирование перечня маркеров-индикаторов склонности к деструктивной агрессии. Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством сервиса IQBuzz, затем был проведен статистический анализ данных.

Одной из главных задач этого проекта является разработка системы мониторинга деструктивной агрессии в социальных сетях. Рассмотрим ее прикладное использование подробнее. Первым этапом и основой дальнейшего мониторинга и анализа является составление перечня вербальных маркеров. Вербальные маркеры (лингвистические признаки) – слова и словосочетания, характерные лексемы, используемые в речи, текстах, сообщениях, которые могут свидетельствовать о склонности пользователей к деструктивной агрессии. Они условно разделены на слова-призывы (лексемы, содержащие призывы к деструктивной деятельности или угрозы ее применения по отношению к миру, людям или себе) и слова-стигмы (лексемы, наиболее часто используемые последователями идеологии «колумбайн» и отражающие их отношение к себе, к людям и окружающей действительности) [6, 11].

Перечень маркеров составлялся экспертным коллективом проекта на основе собственного опыта и представлений, а затем уточнялся путем содержательного анализа пользовательских сообщений с деструктивным контентом в социальных медиа. В общей сложности было выявлено 175 маркеров. В качестве примера приведем некоторые из них.

Таблица 1 – Вербальные маркеры деструктивной агрессии

Table 1 – Verbal markers of destructive aggression

Отношение к миру		Отношение к людям	
Слова-призывы	Слова-стигмы	Слова-призывы	Слова-стигмы
уничтожить всё	анархизм	хочу убить их всех	биомусор/биомасса
нападение на школу	kill mankind	убью свою мать	естественный отбор
завтра идем стрелять	неонацизм	хочу размазывать мозги	смерть
пойти против системы	хаос	хочу битву с гвоздями	ненависть
уничтожить недоразвитых людей	ненависть к человечеству	я вас всех ненавижу	человечество переоценено (humanity is overrated)
хочу показать, кто здесь Бог	человеко-ненавистничество	у людей лишь одно предназначение – смерть и страдания	все люди роботы
delete my life	солипсизм	вскрыл бы глотку каждому без сожаления или презрения	все люди рабы

Второй этап фактически представляет собой адаптацию вербальных маркеров к машинному поиску и предусматривает формирование на основе маркерного

ряда перечня фраз-индикаторов, на которые будут опираться сервисы мониторинга социальных медиа. Эта адаптация необходима, поскольку в прикладном онлайн

мониторинге нельзя полагаться на готовые формулировки из перечня.

Во-первых, для поисковых систем слова – это просто набор символов. Они далеко не всегда могут учесть контекст и все смысловые оттенки. Практика показала, что при попытках прямого поиска по формулировкам из маркерного ряда, основную часть найденных сообщений составляют обсуждения исторических и политических событий, компьютерных игр, религиозных текстов и пр.

Во-вторых, часть маркеров представляет собой абстрактные понятия, которые (в практике сетевого общения) могут быть выражены самыми разными формулировками. В рамках интернет-коммуникации достаточно легко возникают разного рода субкультурные сообщества, использующие собственный уникальный сленг. Такого рода формулировки, связанные с проявлениями деструктивной агрессии, также необходимо учитывать и, по мере появления, включать в перечень фраз-индикаторов.

В-третьих, деструктивная агрессия нередко меняет внешние формы своего проявления, находится под влиянием контркультурных течений, моды, быстро возникающих в интернете «хайповых» информационных поводов. Лиц, склонных к деструктивной агрессии, как правило, привлекают художественные продукты (книги, фильмы и

сериалы, комиксы и пр.) остросоциальной тематики, содержащие психологическую или псевдопсихологическую рефлексию, или же эпатажно демонстрирующие насилие. Нередко стремление к деструктивной агрессии проявляет себя именно в ходе обсуждения такого рода материалов.

Кроме того, большой риск для исследователя состоит в подмене понятийных установок деструктивной агрессии, встречающихся в сети, своими собственными. С одной стороны, исследователь может не знать всех возможных маркеров, быть не в курсе последних контркультурных тенденций. С другой, он должен постоянно отслеживать изменения в информационной среде, ориентироваться в предпочтениях и интересах молодежи, связанных с деструктивной агрессией.

Поэтому при составлении перечня фраз-индикаторов необходимо опираться не только на маркеры, но и на особенности сетевой активности пользователей. Здесь можно обратиться к сервису WordStat, который позволяет зафиксировать число поисковых запросов на портале «Яндекс», связанных с культурными продуктами, затрагивающими тему колумбайна. Он также предоставляет варианты схожих по смыслу запросов, что значительно расширяет возможности поиска, в т. ч. в части мониторинга маркеров деструктивной агрессии.

Таблица 2 – Число пользовательских запросов, связанных с культурными продуктами, затрагивающими тему колумбайна, в поисковом сервисе Яндекс (ноябрь 2020 г. – ноябрь 2022 г.). Данные сервиса WordStat

Table 2 – Number of user queries related to cultural products touching on the topic of columbine in the Yandex search service (November 2020 - November 2022). Data from the WordStat service

Формулировка поискового запроса	Ноябрь 2020	Май 2021	Ноябрь 2021	Май 2022	Ноябрь 2022
«колумбайн фильм»	1425	12438	2611	1887	1605
«колумбайн видео»	834	8245	818	795	595
«колумбайн песня»	376	63905	1141	1530	783
«колумбайн фото»	276	3082	414	378	396

Заметно, что среди российских интернет-пользователей существует небольшая, но постоянная группа, интересующаяся проблемой колумбайна. Она отдает предпочтение видеоконтенту, причем художественные произведения данной тематики пользуются большим спросом в сравнении с материалами с места реальных событий. Заметный рост обозначенных показателей в мае 2021 г. связан с большим общественным резонансом, вызванным расстрелом

учеников в гимназии № 175 в г. Казань. Однако интерес к этому событию быстро угас: уже в июне-июле активность поисковых запросов возвращается к среднему уровню.

Помимо общих оценок, сервис позволяет уточнять конкретные формулировки, используемые пользователями в практике интернет-постинга. К примеру, суицидальные мысли могут проявлять себя в следующих формулировках, вводимых пользователями в поисковую строку.

Таблица – 3 Число пользовательских запросов, связанных с суицидальными устремлениями в поисковом сервисе Яндекс (ноябрь 2020 г. – ноябрь 2022 г.). Данные сервиса WordStat

Table – 3 Number of user queries related to suicidal aspirations in Yandex search service (November 2020 – November 2022). Data from WordStat service

Формулировка поискового запроса	Ноябрь 2020	Май 2021	Ноябрь 2021	Май 2022	Ноябрь 2022
«как покончить самоубийством»	3758	3183	3553	3518	3703
«я хочу умереть»	98410	77989	85126	82598	99342
«как совершить самоубийство»	11467	9343	11093	10017	12310
«как суициднуться»	1283	1385	1528	1418	1611
«как покончить с собой»	3550	3801	4172	4062	4206

Другим примером использования сервиса WordStat в мониторинге маркеров деструктивной агрессии может служить оценка популярности в обществе отдельных культурных объектов, явлений и феноменов, связанных с темой колумбайна. Таким

образом, можно отслеживать их популярность в молодежной среде. В качестве примера приведем статистику поисковых запросов по названиям художественных фильмов, затрагивающих тематику колумбайна.

Таблица 4 – Число пользовательских запросов, связанных с фильмами, затрагивающими тематику колумбайна, в поисковом сервисе Яндекс (ноябрь 2020 г. – ноябрь 2022 г.). Данные сервиса WordStat

Table 4 – Number of user queries related to movies touching on the subject of columbine in the Yandex search service (November 2020 – November 2022). Data from WordStat service

Формулировка поискового запроса	Ноябрь 2020	Май 2021	Ноябрь 2021	Май 2022	Ноябрь 2022
«что-то не так с Кевином»	348909	342921	495498	424629	503529
«класс фильм»	116276	134654	139728	177400	244655
«слон фильм»	29141	37063	46122	47710	182251
«боулинг для колумбины»	516	1835	449	603	405
«школьный стрелок фильм»	770	3772	1322	1641	945
«нулевой день фильм»	332	916	375	1001	887

Эти данные свидетельствуют, что массовое убийство, совершенное 11 мая 2021 г. в казанской гимназии № 175 Ильназом Галявиевым, усилило общественный интерес к теме колумбайна. Именно на май приходится заметный рост числа поисковых запросов. В дальнейшем общественный интерес к данной проблеме постепенно

снижается, однако в 2022 г. он все еще остается более выраженным, чем в аналогичный период 2021 г.

С учетом описанных выше обстоятельств был составлен перечень фраз-индикаторов, пригодных для машинного поиска. Некоторые из них приведены в качестве примера в следующей таблице.

Таблица 5 – Примеры фраз-индикаторов, сформированных на основе психологических маркеров деструктивной агрессии и адаптированных для машинного поиска

Table 5 – Examples of phrase-indicators formed on the basis of psychological markers of destructive aggression and adapted for machine search

Исходные вербальные маркеры деструктивной агрессии		Фраза-индикатор
Слова-призывы	Слова-стигмы	
уничтожить всё	анархизм	«правят идиоты» / «власть баранов»
нападение на школу	kill mankind	«убить»
завтра идем стрелять	неонацизм	«наши» / «нормис»
пойти против системы	хаос	«против системы» / «на улицы»

уничтожить недоразвитых людей	ненависть к человечеству	«биомусор» / «биомасса» /
хочу показать, кто здесь Бог	человеко-ненавистничество	«людишки» / «биомасса» / «подпивкович» / «нормис»
delete my life	солипсизм	«хочу умереть» / «убью себя»
хочу убить их всех	биомусор/ биомасса	«биомусор» / «биомасса»
убью свою мать	естественный отбор	«хочу убить» / «естественный отбор»
хочу размазывать мозги	смерть	«труп» / «жесть смерти»
хочу битую с гвоздями	ненависть	«оружие купить» / «на смерть»
я вас всех ненавижу	человечество переоценено (humanity is overrated)	«ненавижу» / «биомасса»
у людей лишь одно предназначение – смерть и страдания	все люди роботы	«биоробот» / «хомячок»
вскрыл бы глотку каждому без сожаления или презрения	все люди рабы	«рабы»

Особо отметим, что в ходе последующего поиска и анализа пользовательских постов в социальных сетях этот перечень может уточняться и дополняться, поскольку с большой вероятностью обнаружатся новые формулировки, которые могут служить указанием на склонность к деструктивной агрессии.

Третий этап работ заключается в организации мониторинга сетевой активности пользователей в социальных сетях. Его основная задача сугубо прикладная – выявление конкретных пользователей, проявляющих признаки деструктивной агрессии. Однако, помимо основной, есть и две дополнительные. Первая состоит в поиске новых формулировок для уточнения и дополнения перечня индикаторов. Вторая носит академический характер и заключается в обнаружении в динамике пользовательской активности скрытых закономерностей и причинно-следственных связей.

Эффективное решение этих задач обеспечивается технологическим инструментарием сервисов мониторинга пользовательских сообщений в социальных сетях. В рамках настоящего исследования проводился пробный мониторинг с использованием интерфейса и программных возможностей сервиса IQbuzz. Изучались посты, отобранные сервисом при введении различных индикаторов и их комбинаций. Фиксировалась статистика распределения постов по дням, анализировались семантические связи сообщений, общий тон и направленность постов, наличие и уровень деструктивной агрессии, выражаемой в

сообщениях их авторами.

С 1 сентября по 30 ноября 2022 г. проводился пробный мониторинг по части фраз-индикаторов. Прежде всего обрабатывалась специфика использования индикаторов с «широким» диапазоном смысловых значений (например, «оружие», «убить», «хочу умереть» и т. п.). Это дало достаточно широкую выборку сообщений, пригодную для экспертного анализа. Всего за 3 месяца мониторинга средствами машинного анализа было исследовано более 45000 пользовательских сообщений, из которых 1586 содержали явные признаки деструктивной агрессии. Тематически они в основном содержали суицидальные мысли, призывы к насилию в отношении коллег, друзей, одноклассников, учителей, представителей власти, объектов неразделенной любви и т. п. Пример динамики такого рода постов приведен в таблице.

Всего в обозначенный период было зафиксировано 2864 поста с формулировкой «хочу умереть», однако собственно суицидальные мысли высказываются не более чем в 126 из них. Вполне понятно, что ключевым элементом мониторинга должен стать качественный, содержательный анализ текстов сообщений. Функционал сервиса IQbuzz позволил членам авторского коллектива собрать обширную базу пользовательских постов, выражающих склонность к деструктивной агрессии. Ее качественный анализ позволил сделать некоторые выводы о природе данного феномена и особенностях его проявления у российских граждан.

Таблица 6 – Динамика численности пользовательских постов в социальных сетях с формулировкой «хочу умереть» с 1 по 27 сентября 2022 г. Данные сервиса IQbuzz

Table 6 – Dynamics of the number of user posts in social networks with the wording "I want to die" from September 1 to 27, 2022. 2022 Data from IQbuzz service

1 сент.	94	10 сент.	183	19 сент.	90
2 сент.	51	11 сент.	139	20 сент.	58
3 сент.	80	12 сент.	111	21 сент.	81
4 сент.	67	13 сент.	143	22 сент.	74
5 сент.	60	14 сент.	172	23 сент.	92
6 сент.	100	15 сент.	89	24 сент.	138
7 сент.	78	16 сент.	96	25 сент.	170
8 сент.	82	17 сент.	138	26 сент.	86
9 сент.	152	18 сент.	65	27 сент.	175

В первую очередь заметно, что деструктивная агрессия, выражаемая в текстах в социальных сетях, имеет тенденцию канализироваться в отношении реальных или воображаемых автором людей, на которых можно возложить ответственность за испытываемые им негативные эмоции. Посты, где автор направляет агрессию на себя или признается в том, что не понимает, кого винить, тоже встречаются, но в меньшем объеме.

С точки зрения осознания автором причины своего недовольства, посты можно разделить на три группы: «виновен сам автор», «виновен кто-то другой» и «виновник не осознается». В первом случае для автора допускается более высокий потенциал суицидального поведения. При анализе постов второй группы большой интерес для исследователя представляют «виновные объекты», потенциально способные стать объектами не только вербальной агрессии, но и социально неприемлемых действий. В контексте социальной безопасности особенно важны для анализа посты второй группы, когда в проблемах автора обвиняются представители образовательных учреждений (школы) или институтов политической власти. Посты третьей группы представляют интерес для психологов и социальных работников, работающих с индивидами, находящимися в группах риска, особенно когда осознание непонимания причины своих неудач прямо или косвенно сопровождается запросом на необходимость все-таки найти эту причину, осознать ее и проработать с наименее деструктивными для личности последствиями.

Рассмотрим некоторые примеры такого рода постов:

«Я понял одну вещь, никому, никогда не доверять!!! Я, как всегда, сломлен

психологически. Опять полная демотивация вследствие каких-либо отрицательных событий. Состояние, когда уже не можешь и не хочешь ничего делать! Вроде бы люблю тебя, но так хочу убить!!!». Подобного рода высказывания объясняются тем, что молодые люди в подростковом и юношеском возрасте находятся в процессе личностного становления, переживают возрастные кризисы. Идеализированное представления о жизни, отсутствие знаний об эффективных способах выхода из трудных жизненных ситуаций, недостаток доверительных отношений со значимыми взрослыми приводят к накоплению отрицательных эмоций, негативному восприятию действительности, дезадаптивным формам поведения с проявлением агрессивных тенденций.

У некоторых наблюдается также и неадекватная самооценка, порождающая проблемы во взаимоотношениях с другими. Данная категория молодых людей болезненно воспринимает критику в свой адрес, неадекватно оценивает свои возможности. Их посты пронизаны ненавистью: «Я хочу убить всех, кто плохо обращался со мной, у этих людей нет хорошего, они не заслуживают жизни. Смотрят на тебя свысока, общаются так, будто я никто. Я хочу убить всех». Нередко эта ненависть распространяется и на себя, выливается в посты с принятием, обесцениванием себя и своей жизни: «Я убью себя, мне на это хватит силы. Сколько после моей смерти станет меньше имбецилов?».

Возвращаясь к проблеме осознания пользователями глубинных причин своих деструктивных намерений, отметим весьма характерную тенденцию канализации агрессии интернет-пользователей в сторону государственных институтов (в первую

очередь – школы) или тех, кого считают агентом государства (учитель, чиновник, представитель муниципалитета и др.). Именно эти институты и должностные лица (выступающие в данном случае как некие социальные функции) зачастую становятся объектом сетевой агрессии.

Агрессивное поведение молодежи тесно связано с успешностью в учебной деятельности. Высокая дидактическая нагрузка, неудачи и трудности в освоении материала – все это приводит к росту нервно-психического напряжения и порождает защитные реакции в форме агрессии, направленной на себя и других: «...я не понимаю математику и уравнение, она задала 6 уравнений. Я их решала 2 часа и не смогла решить одно, если считать, то много времени потратила впустую, я ничего не поняла!!! Я решала одно уравнение полчаса, потом оказалось, что учительница сделала его неправильным.)». Обвинение учителей в несправедливости, в непонимании, в формальном подходе и поверхностном решении проблем приводит к оборонительной позиции, порождая ненависть к школе и к участникам образовательного процесса: «Каждый раз, когда что-то происходило, я всегда была виновата везде, и никогда, НИКОГДА не была права. ... зам. директора, классный руководитель, Айша и ее мама и психологи, я вас всех ненавижу, живите в свое удовольствие, строят из себя справедливых, а на деле просто обвиняют, никому не веря кроме "жертвы"».

Нередко подростки описывают свое столкновение с физической агрессией: с драками, порчей вещей, нападениями. Все это порождает у жертв насилия чувство страха, незащищенности, осознание своей малоценности, ненужности, отчуждения: «Я ненавижу школу, а всему виной буллинг, которому я систематически подвергаюсь. Наш класс живёт по воровским понятиям. Я обращался за помощью к учителям, но вместо решения проблемы я получаю отговорки, типа я сам виноват, что я провоцирую ребят, что я должен влиться в коллектив, а не быть обособленным».

В ходе мониторинга также был выявлен ряд новых маркеров, например: бренд уличной одежды («ГЪМА») [15]; отсылки на творчество русских реп-исполнителей, различные компьютерные игры жанра «шутер»; контркультурные произведения кино и др. Стоит, однако, отметить, что данные маркеры сами по себе не являются однозначными индикаторами склонности авторов к деструктивной агрессии. Но в сочетании с

прямыми деструктивными и агрессивными сообщениями они служат дополнительными признаками, сигнализирующими о потенциально высокой моральной готовности автора к деструктивному поведению.

Практика показывает, что при ведении мониторинга по индикаторам с «широким» диапазоном смысловых значений доля нерелевантных сообщений превышает 90 %, а сам состав выборки насчитывает сотни публикаций с невероятно большими объемами текстов даже за период не более суток. В силу специфики современной коммуникации на пространстве социальных сетей, в выборку по приведенным выше индикаторам попадают рекламные посты о книгах, фильмах или новости и их обсуждение по темам, где ключевые понятия формально идентичны искомому, но к проблеме деструктивной агрессии прямого отношения не имеют.

Это, впрочем, не означает, что от индикаторов с широким смысловым диапазоном следует отказаться. Несмотря на высокую долю «лишней» информации, именно анализ сообщений из широкой выборки позволяет максимально охватить и проверить непосредственные сообщения по теме. Кроме того, анализ объемов релевантной доли в итоговой выборке позволяет судить об эффективности и адекватности работы по формулированию конкретных индикаторов – чем таковая доля выше, тем более удачным можно считать индикатор, по крайней мере, в актуальных общественных условиях. Наконец, широкая выборка позволяет обнаружить и проанализировать маркеры, темы, теги деструктивной агрессии, которые не были учтены на подготовительном этапе мониторинга, но являющиеся важной составляющей актуального коммуникативного процесса для пользователей, склонных к деструктивной агрессии. Становится возможным сосредоточиться на таких «неочевидных» ранее маркерах и индикаторах, анализ которых порой может иметь критическое значение.

С другой стороны, использование слишком конкретных («индикаторов») (например, «убью учительницу первой») или («заберу ваши жизни») даже при широком хронологическом диапазоне поиска предлагает для анализа слишком мало пользовательских сообщений. Вполне очевидно, что сам факт упоминания некоего маркера в сообщении пользователя еще не означает проявления деструктивной агрессии. Кроме того, различные маркеры явно неравнозначны: в конкретном сообщении может идти речь как о призывах к конкретным

действиям, так и об отвлеченном обсуждении некой абстрактной ситуации. На наш взгляд, целесообразно разделить маркеры как минимум на две группы.

К первой, условно «красной» группе опасности, следует отнести маркеры, непосредственно указывающие на намерение индивида совершить конкретные действия. Примером красного маркера могут служить фразы «я хочу умереть» или «я его убью». На практике они применяются главным образом в двух контекстах.

Первая фраза «я хочу умереть» связана с аутоагрессией. В сообщениях прослеживается непринятие и обесценивание себя и своей жизни, состояние безысходности, суицидальные мысли: «Я, правда, хочу умереть. Забавно, что, умерев, я сделаю мир только лучше».

Во втором случае, агрессия направлена на других, проявляясь в сообщениях с угрозой расправы, с желанием причинить другим боль или увечье. При этом отмечается сниженный уровень саморегуляции, самоконтроля, проявляется враждебность, ненависть: «ребят, я его зарежу, я отвечаю, ночью, когда спать будет ... Я хочу убить всех людей, кто так поступает и портит мне нервы, психику и меня, убить, сесть в тюрьму, отсидеть

и умереть».

В случае обнаружения красных маркеров, означающих выраженное намерение, сервис IQbuzz позволяет исследователям просмотреть открытые регистрационные данные пользователя, оставленные в сети, и дать сигнал в компетентные службы для запуска процедуры контроля за деструктивным поведением и помощи пользователям, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации.

Ко второй, условно «зеленой» группе, относятся маркеры, демонстрирующие интерес к деструктивным идеологиям, контркультурным проявлениям, информационным поводам и т. п. Сам факт интереса к такой тематике еще не говорит о склонности пользователя к деструктивной агрессии. Однако накопление таких маркеров, устойчивый и постоянный интерес может служить поводом для беспокойства.

Наконец, следует отметить определенный потенциал, который описанный мониторинг имеет с точки зрения изучения массовой психологии. Так, в ходе сбора эмпирического материала авторам удалось выявить некоторые закономерности в динамике распространения целевых маркеров в интернет-коммуникации.

Таблица 7 – Динамика численности пользовательских постов в социальных сетях с формулировками «биомусор» и «хочу убить» с 18 сентября по 14 октября 2022 г. Данные сервиса IQbuzz

Table 7 – Dynamics of the number of user posts in social networks with the phrases "biom trash" and "I want to kill" from September 18 to October 14, 2022 Data from IQbuzz service

18 сент.	212	27 сент.	453	6 окт.	300
19 сент.	287	28 сент.	360	7 окт.	182
20 сент.	173	29 сент.	222	8 окт.	200
21 сент.	101	30 сент.	248	9 окт.	224
22 сент.	99	1 окт.	194	10 окт.	177
23 сент.	164	2 окт.	190	11 окт.	193
24 сент.	274	3 окт.	189	12 окт.	127
25 сент.	643	4 окт.	299	13 окт.	96
26 сент.	377	5 окт.	322	14 окт.	143

На 25 и 27 сентября приходятся пики использования этих деструктивных лексем, в несколько раз превышающие стандартный уровень. 13 октября, напротив, фиксируется необычно низкий уровень их использования. Представляется, что эти колебания могут служить отражением глубинных процессов, происходящих в общественном сознании. Так, в конце сентября в обществе активно обсуждалась объявленная 21 сентября частичная мобилизация, которая, вполне

вероятно, стала крупнейшим общественным потрясением последних лет. Это потрясение могло вызвать повышенную сетевую активность и у психически неуравновешенных личностей и у людей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах. Глубинные причины фиксируемых средствами онлайн мониторинга колебаний, очевидно носят синегетический характер и нуждаются в дополнительных исследованиях.

Заключение

Опыт авторского коллектива показал, что онлайн мониторинг в социальных сетях может стать эффективным средством выявления склонности к деструктивной агрессии. Однако для его эффективного использования необходимо осознавать ограничения данной методики и учитывать следующее:

1. Машинный поиск не решает окончательно задачу отбора сообщений, содержащих фразы-индикаторы деструктивной агрессии. Он лишь позволяет создать базу таких постов, с которой должен работать специалист, способный осознать контекст и обстоятельства использования этих фраз. Массив эмпирических данных, с которыми придется работать такому оператору остается весьма обширным, но это вполне выполнимо. В среднем в день, по региону Российской Федерации, в выборку попадает 20–30 сообщений. Таким образом, ежедневная проверка оператором около 10 индикаторов, дает по региону выборку около 200–300 сообщений, усиленную для анализа психологом и социологом и позволяющую уловить потенциальные отклонения в поведении отдельных пользователей и судить о степени их склонности к деструктивной агрессии.

2. Маркерный ряд и перечень фраз-индикаторов нельзя, однажды составив, использовать без дополнений и изменений. Это – подвижная система символов и понятий, формируемая информационной, культурной, социальной средами. Для эффективного мониторинга следует постоянно дополнять и совершенствовать перечни маркеров и фраз-индикаторов, особенно в части новых культурных (и контркультурных) продуктов и явлений, сленговых терминов и т. п.

3. Если исключить наиболее острые случаи, когда пользователь прямо заявляет о своем намерении совершить конкретные противоправные действия, то сам факт использования фразы-индикатора не говорит о склонности к немотивированной агрессии. О такой склонности может говорить регулярное использование этих фраз в соответствующем контексте.

По этой причине маркеры имеет смысл разделить как минимум на две группы. Первая группа включает маркеры, указывающие на желание или намерение совершить насильственные действия, акты агрессии, терроризма и пр. («красные» маркеры). Маркеры второй группы говорят об интересе пользователя к деструктивной тематике, участии в ее обсуждении («зеленые» маркеры). Предположение о склонности пользователя к деструктивной агрессии можно делать лишь при фиксации в его сообщениях комплекса маркеров.

Данные обстоятельства диктуют для коллективов, профессионально занимающихся выявлением фактов деструктивной агрессии, следующий алгоритм работы:

1. Машинный поиск на базе маркерного ряда и перечня индикаторов.

2. Первичный просмотр сообщений оператором, отбор потенциально указывающих на склонность к деструктивной агрессии.

3. Анализ сообщений профессиональным психологом и, при необходимости, социологом.

4. Совместная работа оператора и профильных экспертов над актуализацией маркерного ряда и списка фраз-индикаторов.

Одной из будущих задач проекта «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе» федеральной программы «Приоритет-2030», реализуемого в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского, выступает выведение общих правил построения маркерного ряда и фраз-индикаторов, которые, возможно, будут рекомендовать исследователям и службам, проводящим аналогичные мониторинги. Эти правила должны учитывать, во-первых, совокупный теоретический и практический опыт широкого спектра социальных наук (психологии, социологии, политологии), а, во-вторых, актуальную повестку в коммуникации молодежи в «новых медиа» и в деструктивных онлайн-сообществах.

Список источников

1. Амелина Я. А. Эклектика экстремизма. Как идеология ненависти завоевывает умы и сердца. М., 2022. 72 с.
2. Баева Л. В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайнкультуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33–42.
3. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. М. : Питер, 2014. 411 с.
4. Дельгадо Х. Мозг и сознание / пер. Л. Я. Белопольского. М. : Мир, 1971. 263 с.
5. Лоренц К. Агрессия, или так называемое зло / пер. А. Федорова. М. : АСТ, 2018. 413 с.

6. Дунаева Н. И. Проблема профилактики деструктивной агрессии на примере движения «колумбайн» / Н. И. Дунаева, Ю. М. Баранова, Т. В. Филина // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75. Ч. 4. С. 354–357.
7. Массен П. Развитие личности ребенка / П. Массен, Дж. Конджер, Дж. Каган. М. : Прогресс, 1987. 269 с.
8. Мацута В. В. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга) / В. В. Мацута, Ю. О. Мундриевская, Г. Н. Сербина [и др.] // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 2. С. 90–101.
9. Реан А. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи / А. А. Реан, И. А. Коновалов // Национальный психологический журнал. 2019. № 1(33). С. 23–33.
10. Салливан Г. Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности / Г. Салливан, Дж. Роттер, У. Мишел. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 128 с.
11. Силантьев Р. А. Кто такие колумбайнеры и как их распознать: методическое пособие / Р. А. Силантьев, Р. В. Голубин, Н. И. Дунаева [и др.]. Н. Новгород: Правительство Нижегородской области. 2022. С. 70.
12. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / пер. М. В. Вульфа. М. : МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1989. 83 с.
13. Хорни К. Наши внутренние конфликты / пер. В. Старовойтовой. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 555 с.
14. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб. : АОЗТ «Талисман», 1995. 279 с.
15. Bass A.H. Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. P. 153–162.
16. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989. № 106 (1). P. 59–73.
17. Dollard J., Miller N. E., Doob L. W., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and Aggression. New Haven, CT, US: Yale University Press, 1939. 226 p.
18. Miller N. E. The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. 48 (4) P. 337–342.
19. Feshbach S. Dynamics Morality of Violence and Agression: Some Psychological Considerations // American Psychologist. 1971. № 26. P. 281–292.
20. Тьма: бренд уличной одежды. URL: https://vk.com/dark_s_w?ysclid=lc0g7c2efz934049784 (дата обращения: 12.03.2023).

References

1. Amelina Ya. A. Eklektika ekstremizma. Kak ideologiya nenavisti zavoevyvaet umy i serdca. M., 2022. 72 s. (In Russ.).
2. Baeva L. V. "Death groups" and "Columbine communities" in online culture and real society // Informacionnoe obshchestvo. 2019;3: 33–42. (In Russ.).
3. Beron R. Agressiya / R. Beron, D. Richardson. M. : Piter, 2014. 411 s. (In Russ.).
4. Del'gado H. Mozg i soznanie / per. L. Ya. Belopol'skogo. M. : Mir, 1971. 263 s. (In Russ.).
5. Lorenc K. Agressiya, ili tak nazyvaemoe zlo / per. A. Fedorova. M. : AST, 2018. 413 s. (In Russ.).
6. Dunaeva N. I. The problem of preventing destructive aggression on the example of the Columbine movement / N. I. Dunaeva, Yu. M. Baranova, T. V. Filina // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022; 75. Ch. 4: 354–357. (In Russ.).
7. Massen P. Razvitie lichnosti rebenka / P. Massen, Dzh. Kondzher, Dzh. Kagan. M. : Progress, 1987. 269 s. (In Russ.).
8. Macuta V. V. Analiz tekstovogo kontenta deviantnyh onlajn-soobshchestv (na primere soobshchestv skulshutinga) / V. V. Macuta, Yu. O. Mundrievskaya, G. N. Serbina [i dr.] // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2020;2: 90–101. (In Russ.).
9. Rean A. A. The manifestation of aggressiveness of adolescents depending on gender and socio-economic status of the family / A. A. Rean, I. A. Kononov / Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2019;1(33): 23–33. (In Russ.).
10. Sallivan G. Teoriya mezhlichnostnyh otnoshenij i kognitivnye teorii lichnosti / G. Sallivan, Dzh. Rotter, U. Mishel. SPb. : Prajm-EVROZNAK, 2007. 128 s. (In Russ.).
11. Silant'ev R. A. Kto takie kolumbajneri i kak ih raspoznat': metodicheskoe posobie / R. A. Silant'ev, R. V. Golubin, N. I. Dunaeva [i dr.]. N. Novgorod: Pravitel'stvo Nizhegorodskoj oblasti. 2022. S. 70. (In Russ.).
12. Frejd Z. Ocherki po psihologii seksual'nosti / per. M. V. Vul'fa. M. : MC «Sistema» pri MK VLKSM, 1989. 83 s. (In Russ.).
13. Horni K. Nashi vnutrennie konflikty / per. V. Starovojtvoj. M. : EKSMO-Press, 2000. 555 s. (In Russ.).

14. Efroimson V. P. Genetika etiki i estetiki. SPb. : AOZT «Talisman», 1995. 279 s. (In Russ.).
15. Bass A.H. Instrumentality of aggression, feedback, and frustration as determinants of physical aggression // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. P. 153–162.
16. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989;106 (1): 59–73.
17. Dollard J., Miller N. E., Doob L. W., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and Aggression. New Haven, CT, US: Yale University Press, 1939. 226 p.
18. Miller N. E. The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941;48 (4) R. 337–342.
19. Feshbach S. Dynamics Morality of Violence and Agression: Some Psychological Considerations // American Psychologist. 1971;26: 281–292.
20. Тма: brend ulichnoj odezhdy. Available from: https://vk.com/dark_s_w?ysclid=lc0g7c2efz934049784 (data obrashcheniya: 12.03.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Р. В. Голубин – кандидат исторических наук, доцент
Н. И. Дунаева – кандидат психологических наук, доцент
А. П. Коротышев – кандидат исторических наук, доцент
П. П. Рыхтик – кандидат исторических наук

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках программы Приоритет 2030, техническое задание от ноября 2021 г. «Школьное насилие – скулшутинг – колумбайн: лики, маски, причины и тенденции насилия в современной российской школе», Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 20.06.2024.

Information about the authors

R. V. Golubin – Candidate of Sciences (History), Docent
N. I. Dunaeva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent
A. P. Korotyshev – Candidate of Sciences (History), Docent
P. P. Rychtik – Candidate Sciences (History)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Funding. The article prepared within the framework of the Priority 2030 program, terms of reference dated November 2021 "School violence – schoolshooting – columbine: faces, masks, causes and trends of violence in modern Russian school", Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 20.06.2024.